

В полдень, как обычно, подали говяжью лапшу.

Уловки Гогая с бесплатной говядиной больше не срабатывали. Напротив, когда перед Гогаем ставили его миску, куски мяса в ней неизменно первыми растаскивали Троица в лице Чжан Сяовэя и остальных.

По этому поводу Гогай неизменно воздевал руки к небу и скорбно вопил: — О горе мне! Не просчитал один шаг — и проиграл всю партию!

— Во второй половине дня Ян Гуан созывает классное собрание. Как думаете, к чему бы это? — Линь Юй подцепил палочками прядь лапши и в один присест втянул её в себя.

— А к чему еще? Будут выбирать старосту и актив, — невозмутимо отозвался Боэрба. — Сейчас назначен только глава класса, а староста комсомольской ячейки, комитет по дисциплине и культмассорг всё еще вакантны. Занятия уже начались официально, так что выборы неизбежны.

— Если уж выбирают остальной актив, то, пожалуй, и кандидатуру старосты вынесут на открытое голосование, — многозначительно протянул Гогай, бросив косой взгляд на Чжан Сяовэя.

Боэрба и Линь Юй тоже с тревожными лицами посмотрели на Чжан Сяовэя.

Пока эта троица оживлённо болтала, Чжан Сяовэй безмятежно потягивал бульон.

— Хватит хлебать, — Линь Юй отобрал у Чжан Сяовэя миску. — У тебя уже земля под ногами горит, а ты до сих пор речи не подготовил!

— С чего вы взяли, что я собираюсь баллотироваться в старосты? Терпеть не могу эту канитель, — с лёгкой улыбкой ответил Чжан Сяовэй.

— Да ты очумел! Ты вообще соображаешь, сколько, сколько, сколько преимуществ у университетского старосты? Всякие повышенные стипендии, приоритет при вступлении в партию и прочие блага — всё в первую очередь для него! — Гогай от волнения даже заикаться начал.

— И что с того? — парировал Чжан Сяовэй встречным вопросом.

— Да огромная выгода! И какая слава! — на лице Гогая запечатлелось благоговейное предвкушение.

— Всё это лишь дымка перед глазами. Если сам человек несчастен, какая польза от этих пустых титулов? — Чжан Сяовэй затряс головой, точно погремушкой.

Линь Юй и Боэрба переглянулись и одновременно кивнули.

Четверых друзей разбудил телефонный звонок: звонил куратор Ян Гуан.

— Староста Чжан, вы случайно не забыли, что сегодня классное собрание? — в голосе куратора послышались недобрые нотки.

— Да нет, учитель Ян, мы уже на месте, — невозмутимо подскочил с кровати Чжан Сяовэй и принялся расталкивать Линь Юя, Боэрбу и Гогая.

Когда полчаса спустя вся четвёрка влетела в аудиторию, лица куратора Яна были чернее тучи.

— Досточтимого старосту Чжана, видать, изрядно трудно дозваниваться, — в словах куратора Яна так и сквозила ядовитая ирония.

— Видите ли, учитель Ян, во время военных сборов Вэй-гэ упал в обморок, а сегодня в обед у него снова закружилась голова. Мы водили его в больницу на обследование, вот и опоздали немного, — неторопливо пояснил Линь Юй.

— Вот как? — подозрительно прищурился куратор Ян.

— Точно! Мы так спешили, что забыли взять медицинскую карту. Зато у нас остался номер врача — хотите, учитель Ян, позвоните и проверьте? — лицо Линь Юя оставалось совершенно невозмутимым, он лгал без малейшей тени смущения.

Лицо куратора Яна заметно смягчилось: — Ладно, верю. Начинаем классное собрание.

— Наш курс блестяще проявил себя на военных сборах и смотровом концерте, и кафедра признала нас образцовым коллективом! В качестве награды в эти выходные нас ждёт двухдневная поездка на загородную туристическую базу.

Едва Ян Гуан закончил говорить, аудитория взорвалась ликующими криками.

Даже невозмутимый по природе Чжан Сяовэй, услышав об общей поездке на природу, невольно расплылся в улыбке.

— Но главная цель нашей сегодняшней встречи — выбрать ответственный студенческий актив. Мы уже отлично стартовали, и я надеюсь, что под руководством сильной команды мы сможем добиться ещё больших успехов. А сейчас давайте попросим нашего исполняющего обязанности старосты подвести итог проделанной за эти дни работе.

Под всеобщие восторги Чжан Сяовэй поднялся на кафедру и легко улыбнулся.

Девушки в один голос взвизгнули.

Слегка кашлянув, Чжан Сяовэй заговорил: — Я очень рад, что мы собрались здесь вместе. Очень рад, что встретил всех вас. В эти дни моё сердце часто переполнялось трогательными чувствами — благодаря вам, благодаря всему нашему коллективу. Я твёрдо верю, что мы станем самым сплочённым классом, ведь мы — одна семья.

Закончив говорить, Чжан Сяовэй отвесил глубокий поклон, а когда сходил с трибуны, в уголках его глаз блестели слёзы.

Аплодисменты не смолкали ещё долго.

Когда Чжан Сяовэй вернулся на своё место, сидевший рядом Линь Юй утирал слёзы со словами: — До чего же трогательно! Это в тысячу, в миллион раз лучше любых заготовленных речей.

— Все желающие баллотироваться на пост старосты подготовили речи? Кто первый? — окинув взглядом аудиторию, спросил Ян Гуан.

Все взоры в классе разом устремились на Чжан Сяовэй.

Линь Юй принялся настойчиво тыкать Чжан Сяовэя пальцем в бок: — Вэй-гэ, все на тебя смотрят, иди давай.

Чжан Сяовэй невозмутимо покачал головой.

Видя, что никто не поднимается на трибуну, Ян Гуан небрежно бросил: — Юй На, выходи ты.

Сегодня Юй На была облачена в кипенно-белое цельное кружевное платье, выгодно подчёркивавшее её точёную фигурку. Тёмные волосы на затылке были заплетены в изящную косичку, а на круглом личике явно читались следы тщательного макияжа. Держась с полнейшим достоинством, она поднялась на кафедру.

— Здравствуйте все, меня зовут Юй На. — С этими словами она повернулась и крупно, хотя и не слишком красиво, вывела на доске своё имя.

— Солдат, который не мечтает стать генералом — плохой солдат. Все три года старшей школы я занимала пост председателя ученического совета. За время работы достаивалась званий «Отличник учебы», «Образцовый староста» и «Лучший комсомолец», принеся немало почестей школе. Кроме того, за эти три года я приобрела богатейшие организаторские навыки, я знаю, как правильно руководить коллективом и как вывести наш класс на новый уровень. Пожалуйста, поверьте в меня. Меня зовут Юй На, и я баллотируюсь на пост старосты.

Произнеся это, Юй На бросила взгляд на Чжан Сяовэя, и в её глазах он уловил нотку откровенного вызова.

Чжан Сяовэй в ответ лишь мягко улыбнулся.

После того как Юй На поклонилась и сошла с трибуны, в аудитории на мгновение повисла странная тишина.

Ян Гуан кашлянул и первым начал хлопать.

Несколько девчонок вежливо поддержали куратора, но это разительно отличалось от приёма, устроенного самому Чжан Сяовэю.

Затем на трибуну поднялись еще несколько человек, но их выступления встретили весьма сдержанными аплодисментами.

Началось голосование. Поразмыслив, Чжан Сяовэй вписал в графу «староста» имя Юй На.

Приступили к подсчету голосов. Ян Гуан поручил Гогаю и ещё двоим студентам оглашать результаты, в то время как четвёртый выводил на доске иероглифы «чжэн», состоящие из пяти черт.

Результат оказался неожиданным: Юй На получила всего два голоса, а во всех остальных бюллетенях в графе «староста» значилось имя Чжан Сяовэя.

Когда Гогай зачитал последний голос за Чжан Сяовэя, вся аудитория взревела от восторга, скандируя: — Чжан Сяовэй! Чжан Сяовэй!

Вспомнив, как за обедом Линь Юй переглядывался с Боэрбой, Чжан Сяовэй наконец понял, в чём заключался их замысел: судя по всему, они заранее договорились со всем классом — исключая его самого и Юй На.

В то же время Чжан Сяовэй был глубоко тронут: он никак не ожидал, что однокурсники окажут ему такую мощную поддержку.

— Это... это... — происходящее явно выходило из-под контроля Яна Гуана.

Успокоив дыхание под нарастающие аплодисменты, Чжан Сяовэй уверенным шагом поднялся на кафедру.

Тронутый до слёз полными надежды взглядами однокурсников, он долго стоял в глубоком поклоне.

— Благодарю за доверие. Чжан Сяовэй оправдывает ваши надежды, — твёрдо и чеканно произнёс он.

Поняв, что переломить ситуацию уже невозможно, Ян Гуан скрепя сердце назначил Юй На старостой комсомольской ячейки — хотя бы ради того, чтобы спасти ей лицо.

Правда, принимая это решение, он слышал, как студенты шептались на задних рядах о несправедливости. Впрочем, открыто спорить с куратором никто не стал: в конце концов, от него зависела поездка на природу.

Остальной актив класса также выбрали один за другим.

Выходя из аудитории, Чжан Сяовэй бросил взгляд на Линь Юя и тихо спросил: — Мелкая бестия, это твоих рук дело?

Линь Юй самодовольно ухмыльнулся: — В одиночку я бы точно не справился. Девчонки прислали ко мне делегатку, и мы вместе с Боэрбой разработали этот план: кем бы ты ни решил стать, кресло старосты достанется тебе, хочешь ты того или нет.

— Эх, ваша взяла, перехитрили, — со вздохом признал Чжан Сяовэй.

В этот момент зазвонил телефон Гогая.

Тот радостно завопил: — Наверное, это учитель Сюй зовёт нас в гости!

В возбуждении схватив трубку, Гогай выпалил: — Алло, учитель Сюй, здравствуйте... Угу, хорошо, мы скоро будем. Слушайте, а нужно ли нам прикупить каких-нибудь продуктов?.. А, ладно, хорошо, учитель Сюй, до встречи.

— И что сказал учитель Сюй? — Боэрба бросил на Гогая презрительный взгляд.

— Учитель Сюй сказал, что еду он уже приготовил, но если у нас есть какое-то фирменное блюдо, мы можем сами купить ингредиенты и приготовить его, — радостно отрапортовал Гогай.

— Что касается готовки — на меня можете не рассчитывать, я умею только жрать, — первым самоустранился Боэрба.

— Я тоже готовить не умею. Могу оплатить продукты, раз уж на то пошло, — развела руками Линь Юй с сожалеющим видом.

— Чего вы на меня уставились?.. — заметив, что трое товарищей смотрят на него в три пары глаз, Гогай едва не расплакался.

— Так не пойдет, нельзя же являться к учителю Сюю на всё готовое, мы обязательно должны прихватить что-нибудь с собой, — обеспокоенно заявила Линь Юй.

— Вперёд, на рынок, — сохраняя прежнюю неторопливость, скомандовал Чжан Сяовэй.

Линь Юй и Боэрба переглянулись и рассмеялись: они знали — дело в шляпе.

В овощном ряду Чжан Сяовэй отобрал пару картофелин, несколько баклажанов и прикупил стручковой фасоли.

Линь Юй заглянул в винный магазин и взял две бутылки изысканного красного вина.

А Гогай с Боэрбой набрали целую гору снеков, и вся ватага шумной толпой двинулась к дому Сюй Ци.

На полпути у Линь Юя зазвонил телефон.

Бросив взгляд на экран, он скривил губы и протянул: — Опять эта парочка балбесов, наверняка на ужин зазывают.

— Алло, с кем имею честь? — Линь Юй включил громкую связь и лениво протянул вопрос.

— Кончай ломаться. Сегодня вечером заскочите на ужин, мы, кажется, целую вечность не виделись, — радостно прозвучал в трубке голос Ли Хана.

— Ой, какая досада, у нас совершенно нет времени. На будущее — зовите хотя бы за пару дней, чтобы мы могли скорректировать планы, — с притворной вежливостью отозвался Линь Юй. Судя по лицу Чжан Сяовэя, в голосе товарища явственно слышимое злорадство.

— Черт побери! Мы с Го Юем ради этого даже отменили крупную деловую встречу, думали составить вам компанию, а вы нос воротите, — разочарованно протянул Ли Хан.

— Тц-ц, больно слышать. Ради нас, говоришь? По мне так ты не за тем шёл, чтобы вино пить, — Линь Юй покосился на Чжан Сяовэя и подколот Ли Хана.

— Я-то как раз за тем самым, только не за вином, — хихикнул в трубку Ли Хан.

— Разумеется, не за вином. Я ведь такая молодая и красивая, да? Только у нас сегодня и правда нет времени, нас пригласил в гости наш крутой учитель, — самодовольно заявила Линь Юй.

— Ого, крутой учитель? И откуда у вас такой объявился? Ловко же вы устроились, едва приехав. Раз уж столь уважаемые господа отказывают в чести, мы с господином Ваном отправляемся кутить по кабакам, — весело уступил Ли Хан.

— Скатертью дорожка! Смотри, доиграешься со своими похождениями, — фыркнула Линь Юй и сбросила вызов.

Разумеется, этот диалог Чжан Сяовэй услышал от начала и до конца.

Камень ли он или дерево, чтобы не ведать чувств? Тем более рядом находился столь мягкий и преданный человек, как Ли Хан.

Чжан Сяовэй прекрасно видел все знаки внимания и завуалированные прощупывания почвы со

стороны Ли Хана, но отвечать взаимностью попросту не смел. Во-первых, где-то в глубине души он всё ещё испытывал определённое отторжение к подобным отношениям: кроме Чжан Чжи, он никогда и помыслить не мог о том, чтобы принять другого мужчину. Во-вторых, он чувствовал себя недостойным Ли Хана — ни происхождением, ни внешностью он не мог тягаться с ним, чувствуя себя неуютно в его присутствии.

Поэтому на все намёки Ли Хана Чжан Сяовэй неизменно отвечал молчанием, так и удерживая их отношения в рамках обычного приятельства.

— Динь-дон, динь-дон! — восторженно зазвонил в дверь Гогай.

Приоткрывший створку учитель Сюй был в фартуке, а на кончике его носа блестели капельки пота; он как раз вытирал влажные руки о ткань.

— Ишь ты, пришли в гости и ещё подарков натащили! У меня всего вдоволь, вы же студенты, вам ещё у родителей деньги кланчить, — слегка поморщился Сюй Ци, увидев четыре пакета в руках ребят.

— Учитель Сюй, мы купили самую мелочь, — поспешно оправдался Боэрба.

— После занятий называйте меня просто братом, к чему эти церемонии? Иначе зовите старина Сюй, — широко улыбнулся Сюй Ци.

— Заметано! — откликнулся Чжан Сяовэй. — Брат Сюй, на кухне помощь нужна? Гляди, мы продуктов принесли.

Сюй Ци бросил мимолетный взгляд на Линь Юя и компанию и радостно кивнул: — Ой, спешить некуда, сперва выпьем чайку, я и сам переведу дух.

Не слушая возражений, он усадил их на диван, а сам утащил пакеты с провизией на кухню.

Чжан Сяовэй окинул взглядом обстановку. Хотя квартира была съёмной, в каждой детали чувствовался утончённый вкус хозяина.

В комнатах было светло, просторно и безупречно чисто. На белой стене висел свиток с каллиграфией размером примерно в восемь квадратных метров — скорописью были выписаны строки Цинъюаньчунь по снегу. Знаки летели легко и стремительно, словно испуганный дракон, а линии вились речной змейкой; всё было исполнено на одном дыхании, источая поистине грандиозную энергию.

Над телевизором красовалась свежая и сдержанная монохромная картина тушью в слегка наивной манере. На переднем плане высилась одинокая гордая вершина, меж которой рассеялись точки сосен; вдали виднелись гряды бесконечных хребтов, тонущих в дымке, а стая диких гусей как раз возвращалась к вечерним гнёздам на отдых. Оформленная в прекрасный багет работа сияла чистотой — было очевидно, что её протирают едва ли не ежедневно.

В правом верхнем углу привлекала внимание разборчивая печать с подписью. Чжан Сяовэй с трудом разобрал четыре иероглифа: «Принц Циму».

«Странная какая-то подпись», — промелькнуло у него в голове.

Указав на подпись, Боэрба поинтересовался у учителя Сюя: — Брат Сюй, а Принц Циму — это вы?

Сюй Ци отпил глоток пуэра, покачал головой и невозмутимо ответил: — Это один мой знакомый.

— И правда странное имя, смысл вообще не уловить, — покачал головой Боэрба.

— Да уж, плевать, принц он там или персидский царевич. Я вот скажу одно: чай до чего горький, как такое вообще пить можно? Пойду лучше колы возьму, — скривившись и высунув язык, заявил Гогай, сделав глоток.

— Извините, я признаю только пуэр, другие чаи не пью, а газировка в холодильнике, берите что хотите, — виновато улыбнулся Сюй Ци.

— И впрямь странность какая-то — как вам может нравиться эта гадость? — тихо пробормотала Линь Юй.

— О? Вы что, знаете ещё кого-то, кто обожает пуэр? — вскинул брови Сюй Ци.

— Ага, он тоже пьёт только его, а на остальные сорта и не смотрит. Вы все какие-то утончённые эстеты, — усмехнулась Линь Юй.

— Вообще-то, если распробовать как следует, пуэр оставляет очень приятный аромат, — вдумчиво изрек Боэрба, отпив еще глоточек.

— Этот чай горчит при входе, но послевкусие у него долгое, наполняющее рот ароматом, — задумчиво проговорил Сюй Ци, пригубив чашку.

Чжан Сяовэй уловил в этих словах учителя Сюя лёгкую тоску и скрытый, не до конца понятный жизненный опыт.

— Вэй-гэ, пойдём на кухню. Судя по лицу, эти три господина — точно не знатоки кулинарного дела. А вы пока посидите здесь, попейте чай, телевизор посмотрите, в холодильнике полно всего, почувствуйте себя как дома, — поднимаясь, бросил Сюй Ци и ловко завязал на поясе фартук.

Взяв из его рук второй фартук, Чжан Сяовэй последовал за ним в кухню.

Помещение было наполнено ароматом риса из рисоварки, смешивающимся с запахами готовящейся еды, отчего у Чжан Сяовэя мгновенно разыгрался аппетит.

Оглядев уже готовые блюда, расставленные по столу, он искренне восхитился: — Брат Сюй, да вы просто образцовый домашний мужчина! О вкусе пока говорить не буду, но один только внешний вид и запах сводят с ума.

С этими словами Чжан Сяовэй подцепил пальцами кусочек тушеной свинины, закинул в рот, облизал пальцы и причмокнул: — Брат Сюй, признайся честно, ты ведь профессиональный повар по образованию?

— Когда-то моей мечтой было стать поваром. Видеть, как грубые продукты под твоими руками превращаются в изысканное кушанье — поистине великое удовлетворение. Особенно когда творение хвалит тот, кто тебе дорог, — в голосе Сюй Ци промелькнула тень одиночества.

— Ого, тогда вашей супруге очень повезло каждый день наслаждаться такими кулинарными шедеврами, — с ухмылкой протянул Чжан Сяовэй.

— Супруге? — Сюй Ци на мгновение замер, а затем горько улыбнулся. — Какая там супруга, я закоренелый холостяк. Боюсь, я уже не заслуживаю счастья. Когда-то мне сказали, что хотят всю жизнь есть приготовленную мной еду... но этот человек ушёл.

— Простите, брат Сюй, задел за живое, — сглотнув, извинился Чжан Сяовэй, заметив печаль на лице преподавателя.

— Пустяки. На самом деле она была чудесной, это я не умел ценить. Мы были слишком молоды, не умели ладить и не могли дать друг другу обещаний.

— Ох... Человек, о котором вы так тоскуете, должно быть, не уступает небесным феям. Где она сейчас? Может, стоит вернуть её? — осторожно зондировал почву Чжан Сяовэй.

— Она... в Чанша. Кто знает, в каком уголке мы случайно столкнемся. Честно говоря, я и согласился на работу в Чанша лишь с тайной надеждой когда-нибудь снова её увидеть. Но сколько бы раз в мыслях я ни представлял нашу встречу, я до сих пор не знаю, как смотреть ей в глаза. Боюсь узнать, что она замужем и воспитывает детей; боюсь, что у неё появился кто-то другой, — голос Сюй Ци звучал всё более меланхолично.

— Брат Сюй, у меня есть предчувствие: вы обязательно будете вместе, — хлопая его по плечу, попытался подбодрить старшего Чжан Сяовэй.

— Твоими бы устами... Теперь я примерно знаю, где она, но у меня не хватает смелости подойти. И всё же, сам не пойму почему, но с тобой мне невероятно легко, я и сам не заметил, как выболтал всё это, — вздохнув, продолжил Сюй Ци. — Послушай совета старшего: если кто-то скажет, что хочет всю жизнь есть твою стряпню, береги этого человека. Не повторяй моих ошибок, иначе останется только кусать локти.

— Да бросьте, я ещё молод, о любви пока не думаю, — слушая слова Сюй Ци, Чжан Сяовэй невольно вспомнил о Чжан Чжи.

Сюй Ци бросил взгляд на принесённые овощи и переменял тему: — Ладно, хватит об этом. Что сам-то готовить собрался?

Чжан Сяовэй покачал головой: — Не буду соваться со своими скромными талантами — того, что вы уже приготовили, хватит с лихвой.

— Так не пойдёт. Давай я побуду у тебя на подхвате, хочу отведать твоих кулинарных творений, — перебирая овощи в пакете, возразил Сюй Ци.

Взяв пару клубней, Чжан Сяовэй ответил: — Ну хорошо, тогда я сделаю тушеный картофель по-домашнему.

Пока они вдвоём возились на кухне, Гогай от голода уже в третий раз заглянул за дверь с жалобным криком о помощи.

На столе красовались тушеная рыба, свинина в кисло-сладком соусе, баклажаны, тот самый картофель, суп из кимчи с тофу, жареная свинина с перцем, стручковая фасоль и соленая говядина.

Увидев это изобилие, Гогай поначалу чинно продержался ровно пять минут, после чего распустил ремень на брюках и перешёл в режим неукротимого пылесоса.

Чжан Сяовэй, Линь Юй, Боэрба и Сюй Ци меж тем потягивали вино и беседовали.

Линь Юй с презрением зыркнул на уплетавшего за обе щеки Гогай и пробурчал: — Тащить этого обжору в приличное общество — позорить честь нашей комнаты.

Гогай поднял голову, окинул взглядом компанию с бокалами и презрительно фыркнул: — Посмотрите на себя — пьют красное вино, и чего ради? Вкуса никакого, то ли дело кола — вот это блаженство! — С этими словами он схватил огромный стакан газировки и жадно приложился к нему.

— Тц-ц, вот это я понимаю — водопой. В следующий раз свожу тебя в безлимитный буфет, уйдёшь в гарантированном плюсе, — Боэрба уже не мог на это смотреть.

— Правда?! Сам сказал! Ведёшь меня в буфет, клянемся мизинчиками, кто нарушит — век воли не видать! — подпрыгнул от восторга Гогай.

— Только с условием: угощаешь ты, а плачу я, — тут же парировал Боэрба.

— Ладно, забудь, я ничего не говорил, — сник Гогай.

— Ха-ха, ничего подобного, я сам вас всех отведу в буфет, — улыбнулся Сюй Ци, демонстрируя ряд белоснежных зубов.

— О-о-о! Учитель Сюй... то есть братец Сюй, ты просто лучший! Иди сюда, расцелую! — Гогай вытянул свои измазанные жиром губы. Сюй Ци с отвращением отшатнулся и со смехом бросил: — Если мне и целоваться с мужиком, то разве что с таким, как Чжан Сяовэй, а ты ступай давай в сторону.

— Вэй-гэ, фас! Брат Сюй ждёт! — подливая масла в огонь, радостно завопил Линь Юй.

Ужин прошёл в веселой и непринужденной обстановке.

Выходные, которых студенты так ждали, наконец наступили.

Всю организацию поездки Юй На взяла на себя, чему Чжан Сяовэй был только рад — избавлять себя от лишних хлопот он умел превосходно.

Составив план, Юй На даже не показала его Чжан Сяовэю, а сразу сдала куратору.

Боэрба страшно возмущался: — Возомнила о себе! Мало того, что берегов не видит, так ещё и на шею норовит залезть. Глядишь, так и твоё место старосты превратится в пустой звук.

Чжан Сяовэй лишь усмехнулся: — Тем лучше, меньше головной боли. Вместо этой возни лучше языками с вами за жизнь потрындеть.

— Дело не в этом, тут мужское достоинство задето! — не унимался Гогай.

— Какое еще мужское достоинство? Если она способна всё организовать — ради бога, наша цель ведь отдохнуть. Портить себе настроение из-за такой ерунды — верх глупости, зачем тогда вообще куда-то ехать? — успокоил их Чжан Сяовэй.

— Ой, а с нами едет учитель Сюй! Сможем с ним отлично повеселиться, — оживилась Линь Юй.

После того вечера четвёрка сблизилась с Сюй Ци настолько, что они регулярно подтрунивали над ним без всякого стеснения.

Стоило Линь Юю упомянуть Сюй Ци, как настроение у всех моментально поднялось: в программу поездки входила коллективная жарка мяса на углях, а с учителем Сюем они изначально получали фору на старте.

Единственным минусом оказалось то, что из-за урезанного бюджета вместо двухместных номеров выделили четырёхместные — теперь вместо отдельных кроватей спать предстояло по двое.

Многие в группе, не любившие делить ложе с посторонними, всю ворчали.

Чжан Сяовэй тоже не привык спать с кем-то в одной постели, но к счастью, соседом по кровати оказался Линь Юй. Гогая же насильно прикрепили к Боэрбе.

Боэрба ежедневно предупреждал того: — Смотри у меня, ночью хоть звук издай или захрапи — запихну твой вонючий носок прямо в глотку.

На что Гогай обиженно отвечал: — Да не утруждайся, я сам себе рот пластырем залеплю!

В автобусе, который вёз всех на базу отдыха, Юй На — вечно поющая и танцующая — встала в проходе. Она хлопнула в ладоши, призывая однокурсников к тишине.

Все с интересом уставились на неё. Юй На прочистила горло и с улыбкой произнесла:

— Сегодня такой чудесный день, давайте spoём что-нибудь вместе!

— На улице всю моросит дождь, как ты можешь молоть такую чепуху? — Боэрба приоткрыл окно, глядя на пролетающие мимо капли, и неспешно добавил свою реплику.

По автобусу прокатился дружный смех. Юй На от смущения не знала, куда деть глаза.

Ян Гуан мягко улыбнулся:

— Все же понимают, что Юй На имела в виду наше приподнятое настроение, а значит, день и правда хороший. Юй На, спой что-нибудь.

Девушка кивнула:

— Тогда я спою Сегодня погода ясная.

— Только что ведь сказали, что погода плохая, так что обойдёмся без ясности, — вставила Ду Мэйли. Она была старостой по культурно-массовым вопросам и, будучи недовольной тем, что Юй На перетягивает всё внимание на себя, решила пойти наперекор.

— Пой давай, — подбодрила её Сюй Ци, начиная аплодировать первой. По салону раздались

редкие, неуверенные хлопки.

Голос у Юй На был приятным и мелодичным, но студенты продолжали перешёптываться, и мало кто действительно слушал песню. Исполнив композицию, Юй На заметила, что аплодируют только Ян Гуан, Сюй Ци и Чжан Сяовэй. Почувствовав, что выступление не удалось, она вернулась на своё место.

Когда Чжан Сяовэй выходил из автобуса, моросящий всё утро дождь чудом прекратился. С радостными криками студенты устремились к первой точке маршрута — пруду с рыбой.

Чжан Сяовэй и Линь Юй, перешучиваясь с Сюй Ци, подошли к водоёму. На берегу сидели четверо или пятеро человек с удочками — они рыбачили, повернувшись к прибывшим спиной. Чжан Сяовэй показалось, что двое из них ему знакомы.

Линь Юй хмыкнула:

— Эти двое недотёп всё-таки увязались за нами.

Услышав это, Чжан Сяовэй понял, что речь о Ли Хане и Ван Гоюе.

— Учитель Сюй, что с вами? Вам нехорошо? — встревоженно спросил Чжан Сяовэй, заметив, что Сюй Ци мелко дрожит, а её дыхание стало прерывистым.

— Всё в порядке. Наверное, просто продрогла из-за дождя. Вы идите повеселитесь, а я вернусь в номер отдохнуть, — ответила Сюй Ци, глядя на гладь воды и тяжело вздыхая.

— Учитель Сюй, вы уверены? Здесь есть врачи, может, пусть они посмотрят? Гоюй, Ли Хан, идите скорее сюда! — Линь Юй придерживала пошатнувшуюся преподавательницу и позвала парней.

— Нет, нет... — Сюй Ци вдруг начала заикаться, совсем не походя на ту уверенную в себе учительницу, которую все привыкли видеть.

Из-за волнения голос Линь Юй стал громче. В тот момент, когда Ли Хан и Ван Гоюй обернулись, Ли Хан явно остолбенел. Его красивое лицо мгновенно побледнело, лишившись всяких красок. Он тут же отвернулся обратно, сел на складной табурет, и руки, державшие удочку, затряслись.

Чжан Сяовэй не упустил из виду эти странные мелочи. Он удивился — обычно Ли Хан вёл себя совсем иначе.

Тем временем однокурсницы, увидев, что Ли Хан и Ван Гоюй повернулись, начали визжать и наперебой бросились занимать места поближе к ним. Некоторые девушки, заметив

недомогание Сюй Ци, подошли к ней с расспросами.

— Эй, вы там уснули, что ли? — Линь Юй с нетерпением крикнула Ван Гоюю.

Тот, будучи окружённым девушками, просившими насадить наживку, с трудом пробился к Чжан Сяовэю и остальным. Оглянувшись на Ли Хана, которого облепили студентки, Ван Гоюй с недоумением произнёс:

— Обычно он шагу не может ступить, не увязавшись за Чжан Сяовэем, а сегодня ведёт себя до странности отчуждённо. Очень странно.

Чжан Сяовэй, услышав насмешку, залился краской и опустил голову. Он чувствовал, что Сюй Ци начала дрожать ещё сильнее.

— Девушка, вам плохо? Я врач, — спросил Ван Гоюй, заметив, как сильно трясёт Сюй Ци.

— Это же учитель Сюй, о которой я тебе говорила, — Линь Юй одарила его гневным взглядом.

— Всё хорошо, правда, мне уже лучше. Идите развлекайтесь, я пойду посплю, — Сюй Ци раздвинула толпу и быстрым шагом направилась к гостинице.

— Учитель Сюй, я вас провожу, — Чжан Сяовэй хотел было броситься следом, но тут раздались истошные крики однокурсниц: — Помогите! Ду Мэйли упала в воду!

— Скорее, спасайте её!

Чжан Сяовэй обернулся: у пруда царил хаос. Ду Мэйли барахталась в воде, беспомощно размахивая руками и крича о помощи. Однако каждое её движение лишь уносило её дальше от берега. Однокурсницы вытянулись цепочкой, пытаясь дотянуться до неё, чтобы вытащить. Рядом с ними красовалась угрожающая табличка: Вода глубокая, опасно.

Девушки на берегу начали громко рыдать. Ли Хан уже встал и, находясь среди толпы, начал скидывать обувь.

Чжан Сяовэй, бежавший к воде, на ходу сбросил телефон и кошелек из карманов, скинул ботинки и, добежав до края, нырнул. Как только он прыгнул, за спиной раздался еще один всплеск — кто-то последовал его примеру.

Подплыв к Ду Мэйли, Чжан Сяовэй обхватил её за талию. Девушка, безудержно кашляя и хаотично дергаясь, попыталась ухватиться за него, но он уверенно поплыл к берегу. Он увидел, что Ли Хан плывёт к нему, шатаясь, — движения были неуклюжими, сразу видно, что плавать он научился недавно.

— Не подходи! — крикнул ему Чжан Сяовэй. — Выходи на берег, собери одежду, расстели на земле, готовься делать искусственное дыхание! Учитель Сюй, вы тоже не спускайтесь, со мной всё в порядке!

Ли Хан увидел, что Чжан Сяовэй чувствует себя в воде уверенно, взглянул на Сюй Ци, которая снимала обувь, кивнул и послушно вернулся к берегу. Сюй Ци и Ван Гоюй протянули ему руки. Ли Хан ещё раз оглянулся на Чжан Сяовэя, ухватился за руки своих друзей, и те вытащили его на сушу.

Тем временем Ду Мэйли, найдя в лице Чжан Сяовэя спасительную опору, намертво вцепилась ему в руку. Заметив, что она потеряла сознание от наглотанной воды, он дотащил её до берега. У кромки воды Гогай и Ли Хан помогли вытянуть девушку, а затем втащили и самого Чжан Сяовэя.

Чжан Сяовэй обессиленно повалился на землю, тяжело дыша. Гогай тут же снял свою куртку, накинул на него и прижал к себе, пытаясь согреть. В этот момент Чжан Сяовэй вспомнил тот давний эпизод из детства, когда кто-то подхватил его на руки в воде, и пробормотал:

— Спасибо тебе.

— За что спасибо? Сейчас все должны благодарить тебя, — Гогай был в полном недоумении от внезапных слов друга.

— Пойдём, посмотрим, как там Мэйли, — Чжан Сяовэй заставил себя подняться.

— С Мэйли всё будет хорошо, — подошла Сюй Ци. Она оглянулась на Ду Мэйли, окружённую толпой, и добавила: — Ли Хан делает ей искусственное дыхание.

— Слушай, а учитель Сюй знакома с братцем Ханом? — шёпотом спросил Гогай.

— Я слышал, как Линь Юй называла его просто Ли Хан, — всегда красноречивая учительница Сюй сейчас отвечала запинаясь.

Чжан Сяовэй почувствовал неладное — поведение обоих казалось ему странным. Однако ситуация с Ду Мэйли была куда важнее, поэтому он не стал углубляться в раздумья.

— Юй На! — крикнул Чжан Сяовэй. — Земля после дождя холодная, как закончите с искусственным дыханием, немедленно ведите всех в гостиницу! Сходи договорись насчёт горячей воды, фена, чистой одежды и постельного белья!

Растерянные девушки, увидев спокойного и уверенного Чжан Сяовэя, мгновенно притихли.

— Хорошо, я всё сделаю! — Юй На с двумя помощницами побежала выполнять поручение.

Ли Хан и Ван Гоюй тем временем перевернули Ду Мэйли, постучали по спине, чтобы вытряхнуть воду из лёгких. После того как Ли Хан провёл процедуру искусственного дыхания, к лицу девушки вернулся румянец, и она слабо открыла глаза. Как только Ду Мэйли пришла в себя, её нервы сдали, и она разрыдалась.

Видя это, Чжан Сяовэй приказал Гогаю взять девушку на спину и скорее нести в гостиницу.

<http://bllate.org/book/21931/2278620>